

СПРАВКА

Юрий БОГДАНОВ

Родился 4 августа 1940 года в городе Бугульма Татарской АССР. В 1958 приехал в Магнитогорск. Поступил в МГПИ, четыре года был заочником филфака. Профессиональный рабочий. В этой «должности» трудился порядка десяти лет, начиная с 1958, на ММК, затем – на метизно-металлургическом и калибровочном заводах. С 60-х годов Юрий Богданов – активный участник литературной жизни города, член литературных объединений «Магнит», «Красное солнышко», городского им. Б. Ручьева. Юрий Богданов – соавтор коллективного поэтического сборника «Гармония таинственная власть». Стихотворцем, известным на слух, но почти неизвестным печатно, он оставался до июля 2006 года – до выхода в свет в антологии «Литература Магнитки. Избранное» книжки его неподражаемо самобытных стихов «Крапивы нежное тепло», которая может почти без купюр стать цитатником.

Проект «Магнитогорского метала»
«Литература Магнитки. Избранное»

КРАПИВЫ НЕЖНОЕ ТЕПЛО

Наталья КАРПИЧЕВА, член Союза российских писателей:
«...И даже плачется легко». Эта строка из стихотворения Юрия Богданова как нельзя лучше характеризует общую тональность его поэтических текстов. В них и тьма приходит к свету (рассвет), и теснота – к простору (степь, небо), и тяжесть легка, и грешное – очищено (прощение). Подобные поиски легкого (мировосприятия) в нелегком (жизни) предполагают наличие немалого мужества, далеко не слабого духа и по-детски чистого взгляда. А ведь «писать, как дышать», без одышки и хрипов, дано не каждому. Вышеупомянутые поиски легкого в нелегком – и в образной структуре стиха: «Крановщица-голубица // Вместе с гнездышком порха-ет...», «Как будто нам великан беспечный // Поверил – доверил нежную душу...», «Меж двух мостов, как будто на руках...», «Леший дунул – ночи нет!...» Автор словно стремится растворить твердые тела в воздухе: «Потолок и тает, и растет // Глубже, ослепительней небес...», «Надменно уходящего во тьму // Завода, подпирающего Млечный...», – как и растворить слово в строке, в песенной интонационности: «И даже слово – станет грустной песней // И даже песня – отзвуком дождя...» Здесь и в помине не найти ни маршевой торжественности, ни тяжеловесной сочности сложных метафор, ни «пикантных» выражений, ни тени самолюбования или просветительского пафоса. Художественной доминантой стихов Юрия Богданова становится мотив возвращения: это и возвращение в детство, и возвращение к матери, и в молодость (мотив воспоминаний), и к любви, и на родину (в деревню, в колыбель степи), и к началу города Магнитогорска, и к песенным корням в интонационных решениях... В конечном итоге сумма всех этих возвращений – возвращение к себе, к началу своих начал – к причалу своему. **Николай ЯКШИН, член Союза российских писателей:**
– Публикации его стихов в периодике, да и то лишь в газетной, не по таланту редки; в ответ поэт Юрий Богданов пишет до безобразия мало, но кратко и емко. Но дается ему эта краткость отнюдь не «в легкую». В моем архиве есть бухгалтерская книга, под завязку заполненная трудночитаемыми текстами Юрия Богданова. Впрочем, о множественности текстов, несмотря на многостраничность троссбуха, говорить не приходится: все это – вариации четырех-пяти стихотворений, и автору, чувствуется, ой как не легко остановить свой выбор на чем-то однозначном. Но Богданову крупно повезло: в его

ближайшем литературном окружении случился Юрий Ильясов. Он берет в свои руки эту многовариантную краткословицу и пропускает ее через сито собственного образа поэта Богданова. В результате такой двухходовки без ущерба для авторского достоинства намерение поэта поговорить с читателем становится реальностью. **Галина ЛЕЩИНСКАЯ, член Союза российских писателей:**
– Однажды на литературном вечере поэту Юрию Кублановскому задала вопрос:
– Вы заведуете отделом поэзии в «Новом мире». Через вас проходят тонны рукописей. Кого из авторов вы могли бы назвать?
Он ответил примерно так:
– Талантливых авторов сейчас очень много. Гораздо больше, чем, например, десять лет назад. Мы стараемся их печатать. Разных – столичных и провинциальных, известных и неизвестных, молодых и немолодых. Но назвать кого-то одного... Есть много маленьких «звездочек». Но нет такого мира, к которому хотелось бы прислониться. И не расставаться с ним. Читая стихи Юрия Богданова, я вижу этот мир. Может быть, потому еще, что люблю его как человека. Спокойный, надежный и – не побоюсь этого слова – хороший. Всегда очень радовалась нашим ред-

ким и случайным встречам в трамвае. Он мне напоминает дерево, вросшее по плечи в землю и вырастающее из земли. Когда-то давно я впервые прочла его стихи. Ощущение чего-то настоящего, не придуманного, естественного. И еще, помню, мы с Юрием Ильясовым сравнивали его стихи с необработанным драгоценным камнем. Сейчас мне видится, наверное, глубже, потому что – вот они, грани шлифовки, сверкают! При этом он не боится банальностей, да ему и не надо их бояться. Они звучат у него свежо и, как теперь говорят, «вкусно». Цитировать Юру – вещь бессмысленная, потому что созвучный автору читатель и сам сумеет сделать для себя немало открытий и в его книге, и в этой публикации. Искренне рада за Юрочку, за выход в свет его разьединенно-го сборника стихов, в чем бесконечно признательна серьезным мужам из управления информации и общественных связей ММК и из по-юношески серьезной газеты «Магнитогорский металл». И белой завистью завидую молодым магнитогорским стихотворцам, которые в самом начале своих творческих поисков могут опереться на открытия наивно-зрелого моего и отныне, надеюсь, вашего, дорогие читатели «ММ», друга – поэта Юрия Богданова.

Подпасок

Вышел заспанный подпасок,
Волоча гремучий кнут.
Рано утром видно сразу:
Трутень – или любит труд.
Он идет землею древней,
Мал в летах, зато в чести,
Понимает, что в деревне
Долго некогда расти.
Соседи
Рукаются!..
Прикроем дверь плотней,
Друг друга спрячем
На кровати бедной.
Глаза закроем –
Так еще видней:
Жизнь без любви –
Темна и беспросветна.

Из детства

Нас носило поверху,
Нас таскало понизу:
То тарзаном по лесу,
То винтим подсолнухи.
Гимнам – непослушные,
Песнями не нищие,
Мы девчонок ушленских
Завлекали – силищей!
В нас девчонки ладные
Были крепко влюблены:
Хоть штаны залатаны,
Да носы облуплены.

Молоко

На деревню из-за леса
Надвигается рассвет.
В завитой рожок берестов
Леший дунул – ночи нет!..
Вымя облачное зорьки
Повело по сторонам,
И запели по задворкам
Все коровьи имена.
Гей вы, гусли!..
Мы не гусли –
Звон медовый молока!
Две струны светло и густо
Бьют подойнику в бока.

Лик Магнитогорска

Под дождем промок до нитки
И в полынть уткнулся глухо.
Приложил к горе Магнитной
Нерасеянное ухо:
Звон кирки... И стон копыта...
Что зарыто, что забыто –
Теплым зноем, добрым боем
Всколыхнулось надо мною.

Я свернул не вправо – к дому,
А налево – к дымным домам.

К домне – адовому брюху –
Приложил другое ухо:
Словно жесткий жем штангиста,
Выдох – свистом, вдох – неистов.

...Я уехал в дальни дали.
Не медаль – значок мне дали.
В нем отлит в красе неброской
Жесткий лик Магнитогорска.

Урок любви

Возвращаюсь утром рано,
Мать уснула – не бужу.
Сам на губы, сам на раны
Я столетник наложу.
Мать проснется... Сев на лавку,
Смотрит – не поймет никак:
Зацелован я неловко?
Иль нарвался на кулак?
Ночь свидания взмывает
Над счастливым надо мной,
Боль веселую смывает
Усыпительной волной...

Я, как холоп, стою растерян.
А ты, рассветная княжна,
Обходишь рощи светлый терем,
И даже издали – нежна.

И я запомнил лик твой белый,
Походки сонную волну...
Я смело жил. Я много сделал:
Я – в твою сторону взглянул!

И розовую нитку горизонта
Из клюва в клюв тянули птухи.
И странное явление:
сквозь сон ты
мне говорила грустные стихи.

А я стоял, душою неспокоен,
у нашего рассветного окна
меж золотистым утром –
и тобою.
И жизнь твою как бы читал
до дна...

Петь – не стану.
Плясать – не стану.
Плясовую
играть не стану:
Разверну я шире меха
Для тебя. И для жениха.

А меха-то – шире груди.
Жизнь впереди.
И любовь впереди.
Только, прошу,
На меня не гляди,
Непомятого не береди.

Грустная плясовая

Пой-ду пля-сать,
Нога-об-ногу тесать!..
Отголосица.
Слеза просится.

Мне плясать не хочется, поверь,
Память лет студеных колобродит.
...Хлопнет льдом окованная дверь –
В избу «баба снежная» заходит.

И гремят поленья рукавов –
Ведь зипун вконец заледенелый.
И ладони мамы стерты в кровь,
И лицо у мамы снежно-белое.

Мука на лице ее простом.
Скажет нам, детшкам,
от порога
Безнадежно, словно о пустом:
«Нет колосьев. Собрала –
немного...»
Ляжет на топчане в уголок.

Хрип в груди клокочет и крепчает.
Воруж попросит: «Полечи, сынок.
Потопчи – быть может,
полегчает».

На больной на маминой груди
Так плясал я, непорочный деспот!..
Навсегда ль остались позади
Наши зимы пляшущего детства?

Пой-ду пля-сать,
Нога-об-ногу тесать!..
Отголосица.
Слеза просится.

Милая. Усталая. Моя.
Говорить сегодня не умею.
Твое сердце – маленький маяк –
Бьется с беспросветностью моею.

Мне, как поздней птице на лету,
Хочется о грудь твою разбиться...
Я – не птица. Я к тебе иду
Долгою скрипучей половицей.

Тоска раскрыленных ворот...
Я годы осенью считаю.
Как в зеркале, в окошке таю,
Вдруг постарев на целый год.
А дождь идет все чаще, чаще...
А счастье – где-то далеко...
Природа дарит соучастье,
И даже плачется легко.

– Уезжая, колечко магнита
Я тебе подарил?
– Подарил.
– «Кавалеров пернатых гони ты!» –
Я тебе говорил?
– Говорил.
Винувата...
И я – виноватый.

Нам разлука черту подвела.
Оказался и сам я пернатый...
– Ну, какого нашла ты орла?
Он выходит. Он с чашкой
и блюдцем.

Ба! Старинный испытанный друг!
И сливаются... и не сольются
Словые линии рук.

Посидим мы и выпьем нешибко.
Разливаешь нам поровну щи.
И лицо твоё режет улыбка,
Что ужаснее всяких морщин.

Клюв железный рукавицей
Сварчик правит ровным вдохом.
Он кормилицу жар-птицу
Кормит огненным горохом.

Скинет лихо рукавицы
И закурит. Завздыхает...
Крановщица-голубица
Вместе с гнездышком порхаёт.

Над грохочущим над станом
Плат ее сияет нимо,
Как в картине Левитана –
Клок немеркнущего неба.

Город и завод
Меж двух мостов, как будто на руках,
Листает ветер городское небо...
Такие книги пишутся – века,
А этой книге век еще неведом.

Дома молчат, и птицы не поют,
Зарничный отблеск отлетает
в горы.
Читает биографию свою
Взыскательно и пошменно город.
А там, на левом, в трудовом дыму
Нежданно выплывают домны –
плечи
Надменно уходящего во тьму
Завода, подпирающего Млечный...